

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

«ШПИОНСКИЕ ШТУЧКИ»

Так некоторые собеседники называют магнитофон интервьюера. Эти слова приводят Павла Сиркса наступление в своей книжке «Фежиссы — собеседники», выпущенной «Киноконцертом», чтобы напомнить полуэтату, что к жанру беседы можно относиться по-разному. Там же ставится главный вопрос: кто он, человек с магнитофоном, «бредобран», забочющийся о привлекательности клиентов, или «цирюльники, отворяющие кровь в зодиакальных целях? Лев Аннинский в послесловии говорит, что беседа — кардиограмма, расшифровка которой зависит от читателя. Очевидно, во всех предположениях о жанре есть доля правды.

А практика преста. Когда об-

разенный и дотошный журналист ведет разговор с умным, талантливым и достаточно откровенным собеседником, это всегда интересно и полезно для читателя. В случае, о котором идет речь, интерес и ценность книги умножается тем, что ведет беседы активно работающий кинодраматург, а его собеседники — знаменитые кинорежиссеры Л. Трауберг, С. Герасимов, С. Бондарчук, Н. Михалков, В. Абдразаков. Вопросы, которые они обсуждают, особенно важны для сегодняшнего интересующегося кинематографа. Хотелось бы, чтобы с этими размышлениями непременно ознакомились молодые художники.

Некоторые моменты бесед вызывают печаль от неадекват-

ности замыслов и не экранного воплощения, наличия целей и визуализации из реалий, сильных слов и слабых дед. Кинорежиссура — тяжкий путь познания. Несколько изображений экрана способно поставить под вопрос умноженные речи. Впрочем, в книге П. Сиркса гораздо больше апеллирующих соединений. Отдавая должное интересным, оригинальным, изобретательным размышлением художников кино о литературе, о российской генеалогии, о жизни, о мире людей и вселенной отдельного человека. Считаю тем не менее главным достоинством пяти бесед неравнодушный, откровенный разговор о практических приличиях удач и неудач.

Д. СМИРНОВА.

СНИМАЕТСЯ КИНО

ТАКСИСТ И МУЗЫКАНТ

«В Нью-Йорке и Сан-Франциско, в Лос-Анджелесе и Техасе — всюду огромный успех сопутствовал выступлениям советского мастера», — жизнерадостно информировал телепрограммист двух сценаристов одной московской коммунальной коротающих вечер, у горячего «конца в мире». И трудно передать изумление этих зрителей, когда в саксофонисте, столь быстро покорившем «сердца простых американцев», они узнали своего недавнего непрописанного посттюльта, сплавившегося музыканта Лешу.

Киностудия «Ленфильм», совместное предприятие АСК (Американско-советская кинокомпания) и французская фирма «МК-2 Продюксона» — на плечах таких вот «киотов» легло производство новой картины под названием «Такси-блоз». А расскажет фильм историю о том, как некий обыкновенный советский труженик, таксист по профессии, заводит себе «раба» — генius...

Съемки ведутся в разных местах Москвы — в старомосковских переключках, на заловских окраинах, у ресторана «Арагви». Но одна из основных съемочных площадок — общая коммунальная квартира в самом центре столицы, недалеко от интуристовских корпусов гостиницы «Россия», мемориальных стен Кремля и гудящих от нашествия разномысленных толпы залов ГУМа. Все, что происходит на площадке, вроде бы пронизано токами окружающей нас действительности, но здесь все же идет «другая жизнь» — с реалиями, с повторением дублей, с грушей импортного микрофона, зависшей над камерой. (Впервые в истории современного советского кино звук будет полностью синхронным, без обязательных в монтажно-то-

нировочном периоде перезаписи и озвучивания).

Принадлежит стремление авторов картины даже в мелочах отказаться от обычного «киношного» лунавства. Уже если французский лирик — так в самом деле из Франции. Если коммунальщики — то не в просторном павильоне на «Мосфильме», а в обычном доме на Столице. И если уже по сценарию раздвигать «Мерседес» — то именно «Мерседес», а не камуфлированную под него «восьмидесятку», и действительно вдребезги.

— О чем фильм? — переспросил меня автор сценария Павел Лунгин, дебютирующий как режиссер-постановщик. — Это история о том, как задыхаются люди в мире, где нет разумности и нет справедливости. А может строится вокруг взаимоотношений двух людей, поклоненных своим временем. Одни из них, таксист Шлыкин (артист Петр Забечин), — одинокий московский «волк» всего мира, тоскует по «природе», готовит себя к звуку некой мистической трубы, за внешней жесткостью которого, однако, скрывается огромный запас невостребованной любви. Его антипод, саксофонист и плянница Леша — один из гениев «подпольного» джаза шестидесятых — ныне ставшая девушкой портвейна воспринимающий, как возможность поговорить с Богом. Человек часто безответственный, лгуны, но не изменяющий себе в глазах — в музике, и сохранивший свой талант, несмотря ни на что.

В роли Леши снимается лидер московской рок-группы «Звуки Му» Петя Мамонов.

Оператор картины Денис Евстигнеев, художник-постановщик Валерий Юрьевич,

композитор Владимир Чекашкин. В ролях занятых актеры Н. Коллинзова, В. Кашурин и другие.

М. ЗАМЯТИНА.

Шукшин далекий и близкий

В литературном музее, что в городе Ивано-Франковске, открыта выставка, посвященная 50-летию со дня рождения русского писателя Василия Михаиловича Шукшина. На стендах и витринах — рассказы и повести, объединенные названием «Калина красная», роман «Я принял для вас волю», рассказы, повести и другие произведения.

Начиная с 1976 года на родине писателя ежегодно проходят Шукшинские чтения, в которых участвуют писатели всей страны, идет разговор о

моральной силе прежде и труда, об экологии культуры. Материалы Шукшинских чтений представлены на этой выставке.

Выставка демонстрирует тексты и материалы, а также фотографии (с привлечением прокатчиков), режиссерско-актерско-сценарная библиография, профессиональный клуб (ПРОК), широкое конкурсное участие зарубежных гостей, что скорее всего поможет поднять творческую планку «провинциальной» кинематографии.

Михаил ТОВСТОЮК,
с. Грушевка,
Долинский район,
Ивано-Франковская область.

В СВЕТЕ РАМПЫ
предстанут перед читателями будущего года размышления, дискуссии видных театроведов и кинокритиков о премьерах и текущей жизни театров и киностудий страны в приложении к «Советской культуре».

ЭКРАН И СЦЕНА».

КАДР ПЕРВЫЙ, КАДР ПОСЛЕДНИЙ

В художественной студии творческого объединения «Экран» представлена выставка «Осень в Современнике» по сценарию Э. Хрущева. Странт картину режиссер В. Плотник, оператор В. Плющенко, художники-постановщики В. Манетин.

Действие фильма разворачивается в наши дни. Его герой, подавший заявление на выход из коллектива, попадает в одиночество не просто с группой преступников, а с хорошо организованной, поклонившейся системой.

Но это не просто детективная история. Осторожный сюжет в данном случае не самоцель, а своеобразный инструмент, при помощи которого авторы вскрывают социально-правственный механизм, становящий стереотип и новые формы жизни.

В главной роли — Е. Прокопьев, в фильме звезды — В. Зелдин, Ю. Болотов, Н. Соловьев, Н. Астасов, Г. Стругинский, В. Навиц и другие.

В. ДЖАТИЕВА.

- Осень.
- В. Прокопьев и режиссер В. Плотник.
- Сцена из фильма.
- В. Зелдин.
- Оператор В. Плющенко.

Фото В. Кузнецова.

СПЕКТР МНЕНИЙ

Лев ВОЛЧЕК,
физик

МНЕ кажется, что фильм не получился. Говорю об этом сожалением, так как с большим уважением отношусь к попытке авторов сделать масштабный зрелищный фильм на серьезную тему. Но ведь они делали сугубо реалистическую картину, в этом случае я, зритель, прежде всего должен поверить в то, что виджу на экране. Увы, многие эпизоды фильма, да и взаимоотношения его персонажей выглядят заданными, сконструированными, в иногда даже фальшивыми. Много искусственно созданных ситуаций, когда видишь, что герой фильма ведет себя так, как нужно авторам, их действиям не хватает психологической убедительности. Поэтому, мне очень жаль, что так получилось, тем более что начало фильма обнадеживало. Интересно сделан пролог, начинается называть, что предстоит встреча с игравшим кино, мастерски сделанным под документ. Правда, скоро убеждаешься, что ошибся, но тем не менее первая часть фильма смотрится очень живо, хотя уже настороживает чересчур буквально решенный образ тренера (в этом совершенно не виноват В. Меньшов, он-то делает все возможное). Ну и затем на экране въезжают в колею школьного фильма, да так уже не из этой колеи и не выезжает. Чередуются более и менее удачные эпизоды, есть очень удачные, любому, видимо, запомнится эпизод с биостами вождя. Но чем дальше, тем меньше веришь в то, что видишь, а конец фильма с его сусальным мелодраматичеством доставляет уже с трудом и даже с некоторым раздражением.

Может быть, у меня и у авторов фильма различные понятия о чувстве меры и о вкусе. С последним вообще, мне кажется, сложно у нас в кино, правда, не только в кино и даже не только в кино. Когда говоришь о «Куколке», по многим причинам вспоминаешь «Чучело», так и там, по-моему, авторы иногда недоставляют чувство меры.

Я сознательно ничего не говорю о концепции фильма. В данном случае это для меня не так важно. Я как зритель готов смотреть фильм и в том случае, если не согласен с автором. Но в то, что происходит на экране, я должен верить, если мне предлагают реалистическое кино. И уж, конечно, мне должно быть интересно, что смотреть.

Хотел бы, чтобы меня правильно поняли, поэтому должен добавить следующее. Выскажу резко критическое отношение к «Куколке», я вовсе не считаю, что этот фильм хуже других. Наоборот, по-моему, он будет одним из самых заметных отечественных фильмов 1989 года, так как авторы предприняли пусть не очень удачную, но вполне серьезную попытку сделать проблемный фильм. Увы, в нашем кино это большая редкость, часто вообще непонятно, во каком

му праву и зачем сделано то или иное кинопроизведение.

Несколько слов о конфликте между художественным руководителем объединения и режиссером фильма, который предшествовал выходу «Куколки» на экран и о котором довольно много писали. По-видимому, это вопрос принципиальный, та-

как проблемах, открывающихся страшные драмы и плахи оказываются вовсе не белыми, а кровавыми, шляйкой предыдущих удач, либо Фридберг — новое имя для зрителя, хотя «Куколка» — четвертый фильм режиссера.

В данном случае мне не

трудно быть объективным,

хотя И. Фридберг — мой ученик. Он окончил несколько

курсов на Высших режиссерских курсах.

Я слежу за его творческой судьбой и не раз го-

ворил ему в лицо немало неприятного о его картинах.

А тут самый случай, когда можно сказать добрые слова, не крия душой. По-

моему, «Куколка» — фильм

мощный, сделанный уверенно,

крайней профессиональной рукой.

«Куколка» интересно смотреть — картина,

без сомнения, зрительская, и одновременно проблем-

ная.

Для меня тема ленты — борьба между злом и добром за господство над массой.

К сожалению, масса чаще

всего выбирает зло, что и показано в фильме на примере жизни одного девятого класса самой обнинской средней школы.

Однако эта модель легко перекладывается на взрослых. Это отнюдь не картина только для юношества.

«Куколка» заставляет переживать во время просмотра и заставляет думать после него. Такого сочетания добиться очень не просто. Мне думается, фильмы отличают высокое умение режиссера, прекрасная игра актеров, среди которых много не актеров, в школников. Фильм выстроил сюжет оператором Владимиром Нахабиным.

Прекрасно, что «Куколка» вызывает споры, ибо эпоха одинаковых оценок давно кончилась. Главное — фильм не оставляет зрителя равнодушным. Думаю, в нашем кино появился мастер со своим почерком, со своей, не похожей на него, интонацией, с беспокойным граническим темпераментом.

Желаю ему успехов!

Татьяна ТАРАСОВА,
тренер

Д. А. ОННИ действительно такие. Я видела их на своем веку не мало. Сочетание одному человеку совершение противоположных свойств — детскость и абсолютная взрослость. Они хотят быть лидерами во всем, они самоутвергаются и ради этого готовы терпеть. Как на войне. Но от этой борьбы у них очень ломаются характеры: подпитать любого, если он слабее. Режиссер и автор сценария увидели все это очень точно, увидели очень тонкую судьбу.

Это что касается героянни. Мелодраматическая повесть учительницы, ее играет актриса Метлицкая, которую я знаю по сцене, она играет, по-моему, в «Современнике». У нее здесь труда роль — вся на крупных планах, это нечто иное.

Но хочется снова и снова говорить о главной теме — здесь прежде всего успехи. Режиссеру удалась привлечь интерес к слову, к слову, к слову. Думаю, что дело и в качестве картины, и в

БЕСПОКОЙНОЕ, тревожное время, когда на нас, на наши неопренные головы обрушивается ежедневно опасность и опасность. Режиссеру удалось привлечь интерес к слову, к слову, к слову и в качестве картины, и в

внешнее и гнетущее бы-

зывное чувство.

И еще одна существенная

тема. Вся эта история уходит от главной и наиболее интересной темы фильмов — завлекающей начальной.

«Поминальная молитва» на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола с точки зрения актера, драматурга и критика.

«ЖАЛЬ, ЧТО Я ЗДЕСЬ НЕ ИГРАЮ»

Я не претендую на театрорецкий анализ. Но впечатление от двух последних работ Марка Захарова столь сильно, что какое-то непосредственное изоощущение хочется облечь в слова, пусть они и будут чрезмерно эмоциональными и сумбурными.

Поэтому, что Захаров не нуждается в моих комплиментах. Хоть именно нашему поколению он близок еще и потому, что весь его путь как режиссера — теперь уже длинный путь — разворачивался на наших глазах. С самого начала было понятно, что это очень талантливый человек. И никакие поводы усомниться в его таланте не возникло. Но вот появился «Мурдеш» и «Поминальную молитву», и разговор надо вести уже о другом, о новом витке в его творческой биографии. Очевидно, у каждого кудесника, у каждой крупной творческой личности бывают моменты пика, моменты — как бы это поточнее называть?

Талант Марка Захарова многогранен. И, глядя его предыдущие работы, можно было воскликнуть о поразительном остроумии, то отточенностью формы, то умением использовать самую разную музыку, то еще чем-то другим. А в этих двух спектаклях все так слито, что обретает некое новое качество. Не знаю, как с этим обуются критики, но мне очень трудно отдавать одно от другого, что-то выделить. Думаю, что даже те люди, которые не до конца пришли и поняли «Мурдеша», примут «Поминальную молитву» безоговорочно, потому что это спектакль поразительно добродушный, теплый, мудрый. И необыкновенно красавец театральное зрелище.

Я наперед все время говорю о обеих работах. То, что после первой могло показаться случайностью, второй подтверждалось: да, используя все доступные и ранее ужде испытанные средства, Марк Захаров создал новый театр...

Мы теперь стоим на высоких словах в адрес своих современников. Наверное, еще есть скажется реакция на время, когда в честь живых людей называли города, улицы. Но то, что Евгений Павлович Леонов играет на уровне высочайшего образца театрального искусства, — для меня это ясно. Это из тех случаев, когда роль становится престоматийской. Такой, например, как Гамлет Р. Скоффида.

Не знаю, как лучше оценить игру Леонова, чтобы отбросить въевшуюся в кровь стеснение и сказать: Евгений Павлович, вы сыграли великую роль!

В каких-то эпизодах герой Леонова говорит о смерти, и — да и не в одни — аспиричная о его недавней болезни, когда он одной ногой посыпал на тот свет. Но подлинное знание, истину, заучившуюся в слезах его Тесьи, были предопределены «фабф». Трагический фрагмент биографии актера, а это высочайшее мастерство.

А ведь на пределе своих возможностей играют и другие актеры, великолепно играют. Например, В. Ларинов, который был занят в «Мурдеше», здесь предстает совершенно иным. Или, скажем, А. Абдулов, актер, выросший из М. Захарова, — какой широкий диапазон открыл у него. Острейший рисунок роли. Его герой смешон, в один миг грустен и лиричен, неожидан в некоторых острых ходах. А. Сирин, с которым в как-то работала вместе, которого много раз видел в Ленинском. Он так играет в «Поминальной молитве» — это заплетающиеся походки, налетевшие руки, несборенные пластики чокнутого человека — это же рисунок Шагала!

И вот в какой мысли приходим. Сейчас все кругом говорят о кризисе театра. Какой там кризис, когда в одном театре, меньше чем за год, появляются две такие спектакли! Какой там кризис, когда работают Л. Додин, А. Басинцев, когда ставят спектакли Ю. Любимов!

Делаясь впечатлениями о «Поминальной молитве», я, кажется, употребил слишком много определений в превосходной степени. Что ж, такое спектакль. Со мной это редко бывает, но когда я смотрел на сцену, то думал: как жаль, что я здесь не играл!

Михаил КОЗАКОВ.

СПЕКТАКЛИ

МЫ ВСЕГО ТОЛЬКО ЛЮДИ...

О. Шейнин. Доски подымаются поверху, но пригнали друг к другу неплотно. Между ними — щели. А в щелях — свет и воздух. В самой широкой из всех сияет лильовым огнем белый цветок баугулника. Рядом выглядывает голова живой лошади, синяя кобылка с аккуратно подстриженной челкой и печальными глазами.

Тесья-молотник живет в этом мире. Сюда из «мира малого», из замкнутости домашних стен несет свои радости и печали. Здесь ему легче размышлять, шутить, спрашивать и не получать ответа. Огромная, тихая, без вслесков и кульминаций роль монологов, построена еще и на постоянных именных наставках — приносивших человеку и живым и неживым прелестам мира — к шершавости досок, цветку, гриве лошади, праздничной скатерти на столе в святую субботу, и горячemu ритуальному семисвечью, и теплым головкам дочерей... Они все для Тесьи — опора! Осознай их, он не чувствует себя беззащитным.

Поэзия народного характера раскрывается в особом, льющемся ритме «вылезания» слов, как складал Л. Толстой, в предельно расширенном, но не имеющем границ общении Тесьи. Живой, «контактный», как выражаются сегодня, он говорит с красавицей женой Голдов (Л. Матюшиной), как собственным сердцем; кричит, ругается, спорит с любящими и непокорными дочерьми. Его забавляет петушина отвага Перчинка, и трогает почтала чучой и нежелательной Моты — безумной надеждой бедника выразить у судьбы счастье.

Но собеседники Тесьи не только люди — это еще и воздух, и небо, и которому часто подымают из своего круглая, не склоняющуюся перед бедами голову. Мы присутствуем при диалоге разных. Даже с Господом Тесье беседует увлекательно, но без подобострасти. Все в окружающем мироздании важно, достойно внимания и обережения для героя. И сам он — часть, равная другим в бесконечной и вечной, не прекращающейся отдельными исчезновениями и смертами цепи.

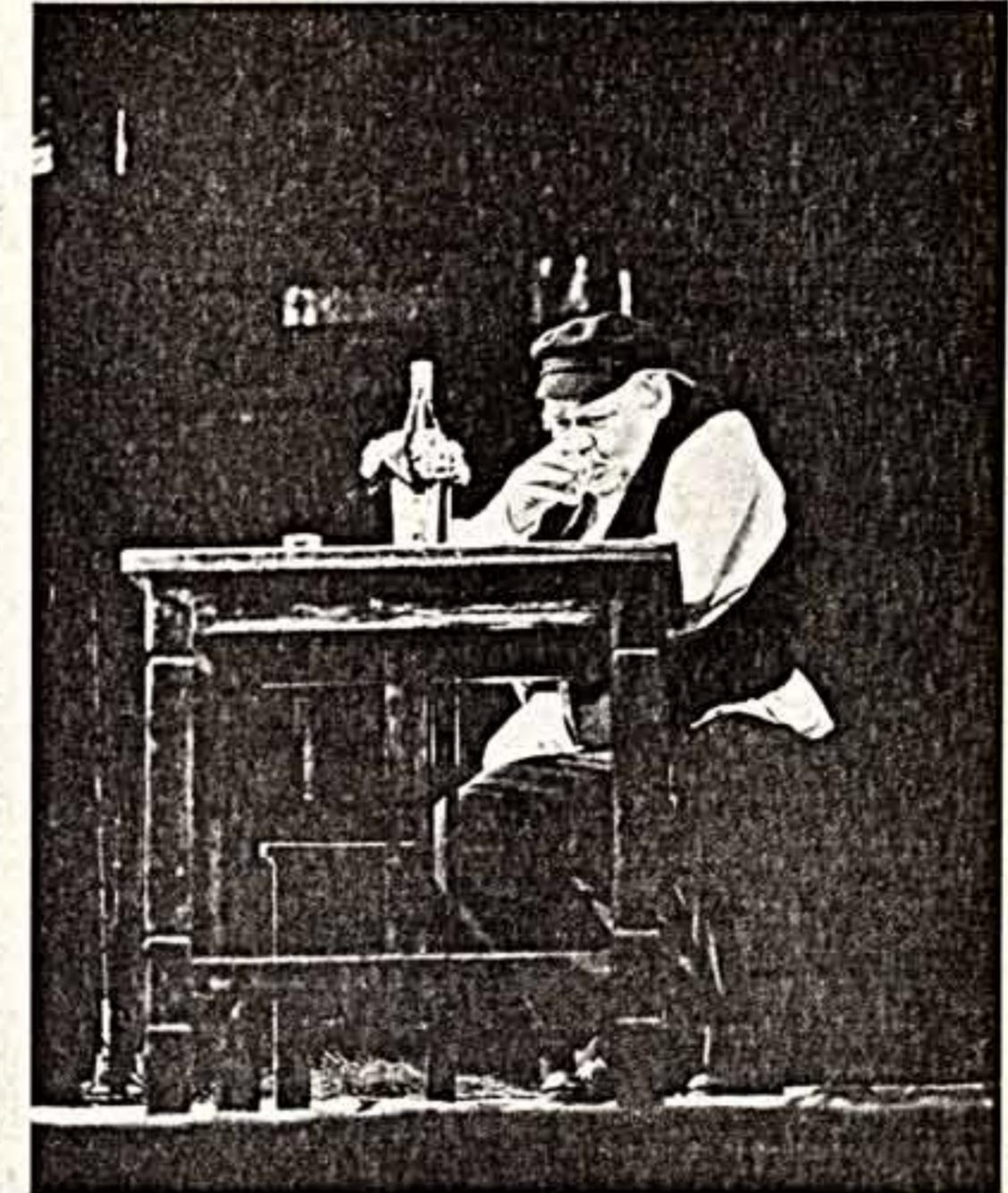
Выбор Захарова оказался верен. Роль, так, как играет ее Леонов, стала собственностью нашего искусства, фактом возвращения человечности, стремительно умалившейся на сегоднишней сцене, которую раздирают ощущение и борьба.

В том, как сыграл Леонов Тесья-человеколюбца, с его привычностью к земле и людям, с его даром понимания ближнего, «сувенирностью» мыслей, сказалась человеческая значительность и обаяние актера. Но и самобытность, неповторимостьleonовского таланта и мастерства: равновесие, непроздорвленность печального и смешного в любой роли актиста. Пожалуй, единственный из всех своих выдающихся коллег Леонов равно силен и в трагедии, и в комедии.

Печаль его Тесьи (оборотная сторона знания в провидцем дальне и большие остальные), трогательность, неутомимость любви, способность и прощению, все это, даже исполненное с естественностью и свободой. Леонову свойственными, могли породить монотонность в роли. Тем более что в ней доле не выходит ни на сцену актер как бы прислушивается к себе, избегает раздражений, испытывает природно сильного темперамента.

Так могло быть, если бы не дерзость, не внезапность комедийных «отбояков» и переключений. Актер стремительно меняет театральные тональности. Брошенное в сторону слова (обожаемой Годе, сервейнешки) минуту объяснения — «дура!»; накало-одна реальная; звуконимо соединяемый на ходу сон с покойной бабкой, которая инои не велит дочери Цайт (Е. Шанина) выходить замуж, а велит за богатого и любимого Мотла, — и вот мы уже не плачем, а смеемся.

В сцене погрома — погрома вынужденного, ленивого, по приказу начальства, когда се-

● Евгений Леонов в роли Тесьи.

Фото Г. Несмачного.

КОМУ ЭТО НУЖНО

Предсказать, что «Поминальная молитва» окажется сильным, цельным спектаклем, было невозможно. Его делали мастера, которые, даже если бы очень старались, кряду ли сумели бы сделать скучную и бледную постановку. И Марк Захаров, и Григорий Горин в высшей степени одарены талантами партнерства. Они смело перекраивают сиюю литературу и имеют на это право, ибо чувствуют нерв, дух чужого творчества. И сохранили его, и как бы делают своим.

Так идет этот спектакль, в колебаниях, в переменах горестного и смешного. Мастер гротеска, Захаров на этот раз гротескных реалий избегает. Спектакль по преимуществу лирический, не столько исповедующийся перед мирами, сколько исповедующий нас. Справедливый, не забыли ли мы простых, необходимых человеку истин, таких, как сострадание, совместность, любовь.

Спектакль несколько преувеличен во времени. В «угоду» именам нашим болям и бедам он излишне акцентирует дружбу между жителями Анатовки. Шолом-Алейхем — человек естественного, искисканского сознания — в таких подчеркнувшихся не нуждается. Неправомерно, на мой взгляд, и обычное введение христианских, образцовых — мотивов. Иконы, душе бы бояться церкви.

Однако сомнения и несогласия преодолеваются духом человеческого, поисками человеческого тепла, лиризмом, атмосферой новой работы М. Захарова.

И пьеса, и спектакль — о бесконечных расставаниях, на время, когда в свою взрослуую жизнь отправляются юные дочери Тесьи, и на всегда, когда уходит смерть. Так уходит Годла.

Красивейшая сцена спектакля отдана антракту, которую на сцене Театра имени Ленинского комсомола в последние годы мы видим мало. — Л. Матюшиной. Мать, оберегательница дома, продолжательница рода, Годла уже не имеет сил, чтобы помочь впервые рожающей дочери. Через пространство деревенских улиц и проулков, сквозь стены домов точно, толково, испустила она советы своей Цайты. И совершила предназначение — умрала.

Человек умер, человек родился. Мы не стыдимся слез. С болью мы будем провожать горстку бедняков, изгонемых со своей земли, за черту оседлости. Или из-за черты — теперь уже не понять. Тесья-молотник встанет во главе их. И мы скажем себе — как прекрасен, как оторван может быть человек, если он Человек.

В. МАКСИМОВА.

Путешествие под зонтиком

Думали ли вы, что когда-нибудь в вашей взрослой жизни вы сможете повстречать настоящего доброго золотника из сказки или ожившего персонажа диккенсовского романа? Так вот, всем, кто побывал в Ростове-на-Дону на Международном фестивале театров для детей и молодежи «Линн-Фест-89», удивительно повезло — такая волшебная таможня! Его имя — Рей Нуссалайн. В своем театре «Зонтик» Рей одновременно и драматург, режиссер, и единственный актер, бродячий артист, играющий в спектаклях для самых маленьких зрителей не только в театре, но и прямо на улицах, он приехал в Ростов из столицы Дании. Вместе с ним на фестиваль приехали его сказки — «Бородач на балконе» и «Маленький Пир».

На ростовском фестивале мы увидели удивительно много талантливых, ярких спектаклей из самых разных стран, от Финляндии до Гватемалы, много замечательных актерских работ. О них еще пойдет речь в одном изближайших номеров нашей газеты. Поэтому же мне захотелось поскорее рассказать о нем именем Рей и его «Зонтике». Наверное, потому, что Рей Нуссалайн, как мне кажется, это нечто больше, чем просто прекрасный актер, а его театр — нечто большее, чем просто хороший детский театр. «Параллон» — это мир

действия, вернувшийся к нам из нашего прошлого, — его раздослы, страхи, скретами, маленькие чудеса и первые потери. Мир, который мы уже успели подыграть, но который живет впереди.

В спектаклях Нуссалайна почти нет декораций и отсутствует единый сюжет. Он просто рассказывает детям разные истории — о мире, о вещах, о зверях, о сюжетах, о своем действии — негромко, мягко, делительно, с доверием и уважением к ним, как единомышленникам.

А дети действительно понимают его полуповсюду-ведь Рей принадлежит к нам. Он — его чистик, потому что он помнит, что свою любимую куклу ребенок делает из носового платка и доверяет ей самые заветные тайны и огорчения. Потому что он знает, что детские слезы похожи на разноцветные кристаллы от старой листры, которые так увлекательно рассматривать не свет. А истории, которые он показывает своим маленьким зрителям, — они так похожи на то, что они сами придумывают, засыпая: о прекрасной розе, живущей в маленьком домике, о ящичке из-под сигар, в котором хранятся слезы, о страшном-престранным гнезде, похожем на трещотку, о старушке, которая хранила свою улыбку в погребе...

В спектаклях Рей Нуссалайна

время исчезает: синевые часы, он откладывает их в сторону — в стране детства они бессильны. А вот вещи и куклы в руках у него движутся, обретают душу и голос. Каждый его спектакль — это похоже на сон, полное невинной и мудрой позитивности путешествия, в котором он берет с собой кусочки голубого неба, под которым каждый может смеяться и плакать, не стыдясь своих слез.

Но вместе с тем он прекрасно знает, сколько страха и одиночества может накопиться в душе ребенка, как необходимо маленькому человеку понимание в путешествии по неизвестному миру. Поэтому, отрываясь, он одновременно помогает ее обитателям познавать окружающий реальный мир и себя, с ободряющими учением мудрого и любящего золотого говорка: «Это не опасно!» И малыши беззаботно верят этому.

И вот мы стоим на пороге. Сосед Степан (б. Чукаев) присмотрит за портдиком. Пока есть люди, которые в самом теплом времени делают то, что полагается, — есть надежда.

Афанасий САЛЫНСКИЙ.

● Рей Нуссалайн в спектакле «Маленький Пир».

